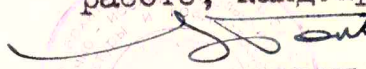


Государственный комитет по архитектуре и градостроительству
при Госстрое СССР (Госкомархитектуры)
ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ
И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА (ВНИИТАГ)

УТВЕРЖДАЮ:

Зам.директора по научной
работе, канд.арх.


А.В.Боков

" 22 " июня 1990г.

ОТЧЕТ

по теме: "Архитектурно-планировочные и функциональные
параметры среды, предпроектный анализ, система требо-
ваний". Фрагменты монографии "Методы совершенствования
городской среды"
(промежуточный)

Руководитель темы,
зав.лабораторией
Проблем средообразо-
вания, канд.арх.



А.А.Высоковский

Москва - 1990

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

А.А.Высоковский - зав. лабораторией, канд. арх.

И.В.Абанкина - ст. науч. сотр., канд. экон. наук

Т.В.Абанкина - ст. науч. сотр., канд. экон. наук

РЕФЕРАТ

ГОРОДСКАЯ СРЕДА, ОКРУЖЕНИЕ СУБЪЕКТ СРЕДЫ, МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ

В отчете рассматриваются проблемы теоретического конструирования понятия городской среды и методологии эмпирических исследований. Основная идея предлагаемого подхода – многомерное описание среды разными методическими средствами, объединенными одной позицией – рефлексией связи самой среды и ее исследователя. Предлагается методический принцип "удвоения субъекта" и правила его применения для эмпирических исследований среды.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
ВВЕДЕНИЕ	5
1. ПОНЯТИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ	6
2. СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДЫ	9
3. МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ СРЕДЫ	18
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	25
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	26

ВВЕДЕНИЕ

Представленные фрагменты монографии "Методы совершенствования городской среды" выполняются в соответствии с планом научно-исследовательской работы "Совершенствование жилой среды. Средовой подход в теории и практике архитектуры и градостроительства".

На предыдущих этапах работы были проведены социологические и морфологические исследования среды в конкретных городах (Казань, Орел, Калинин, Старая Русса и других). Кроме того, были обобщены теоретические работы отечественных и зарубежных авторов, разработаны категории, понятия и методические схемы, с помощью которых осуществлялся сбор и упорядочивание эмпирического материала.

Этап 1990 года, в соответствии с планом написания монографии, посвящен разработке ее теоретических частей. В отчете реферируются материалы I главы, отражающие результаты работы, выполненной в течении первой половины этого года. I глава состоит из трех параграфов:

- I — понятие городской среды;
- 2 — субъектно-объектная методология исследования среды;
- 3 — модели описания среды.

В написании отчета участвовали сотрудники лаборатории проблем средообразования ВНИИТАГ.

I. ПОНЯТИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В понятие городской среды, в разрабатываемой монографии, привнесено новое содержание. В работе оно представлено развернуто, в данном отчете приведено его краткое изложение.

Суть развиваемого подхода состоит в том, что реальность (субстанция) среды не сводится ни к объектам физического мира, ни к феноменам сознания или поведения. Она не исчерпывается английским словом " " (предметно-пространственное окружение) и французским словом " " (поведение и отношения людей). В русском языке слово среда, кроме указанных выше смыслов, имеет еще одно, наиболее важное для нас значение. Среда – это производное от середины (средины, середки), чего-то существующего между человеком и его окружением, посредник между сознанием, личностью и материальной или социальной обстановкой. Лучше всего ее обозначить как медиумическое "тело" или "поле", а в приложении к городу –

Среда, как процесс и результат взаимодействия сознания, психики человека с физическим и социальным окружением, понимается мной не метафорически, а буквально. Эфирное тело среды является такой же реальностью как и видимый "дневной" мир. Правда, вердиктом комиссии Парижской академии 1784 года (в составе доктора Гильотена – изобретателя известной машины, В.Франклина – изобретателя громоотвода, химика Лавуазье и других), по поводу схожего явления – магнетизма утверждалось, что "...магнетического флюида не существует..., поскольку его нельзя зарегистрировать никакими приборами и никакими органами чувств" /1/. Парижская академия изменила свое мнение примерно через 100 лет усилиями доктора Шарко. Сегодня, после почти 60 лет строгих исследований можно считать доказанными

и наличие психофизических феноменов смешанной природы. Сошлемся для примера на замечательную экспериментальную работу Р. Джана, выполненную в Принстонском университете и исследования Тарга и Путхоффа из Стэнфордского университета, в которых влияние сознания на структуру пространственно-временного континуума регистрировалось приборами /2, 3/. Это означает, что сознание людей с "обычными" способностями вступает в непосредственный контакт с материальными телами и событиями. При этом следует заметить, что все научные доказательства не многого стоят перед лицом многотысячелетней традиции теологического, философского и мистического знания, в которой всегда прозревалось существование нематериальных тел, сопредельных человеку, и даже способов "работы" с ними. И, наконец, не стоит забывать и о том, как сегодня сидит перед телевизором в ожидании Чумака или Кашпировского огромная атеистически воспитанная советская аудитория, тем самым, того не ведая, утверждая наличие психофизической реальности.

Медиумической природой среды объясняется сложность ее внешнего (отстраненного) исследования и проектирования. Среда является продолжением тела человека, далеко выходящим за его физические границы. Так же как и тело, среда дана человеку в непосредственном постоянном ощущении. Отделить ее от сознания, сделать объектом отстраненного наблюдения можно только с помощью специальных рефлексивных процедур. Как правило, это происходит в те моменты, когда среда изменяется, перестраивается или уничтожается. Очевидно, что еще более сложно понять и изучить среду других людей, малых и больших групп, если не стать ее обитателем.

Среда воспринимается пятью органами чувств, но и не только ими. Главный орган средового, как и духовного виденья —

шестое чувство, средовая интуиция. Действительно, стоит только вспомнить, как мы отличаем обжитую комнату от нежилого помещения, вещи, включенные в жизнедеятельность, сохраняющие флюид своего владельца, от ничьих выкинутых предметов, участки города, наделенные жизнью, от заброшенных стагнирующих районов, — чтобы понять сколь большое место в повседневной жизни занимает сверхчувственное, интуитивное постижение.

Житель города избирательно осваивает из окружения отдельные элементы, наделяет их смыслом и значениями, присваивает им имена. Окружение срачивается с сознанием и трансформируется в нем, превращаясь в среду, в которой они неразличимы. Причем, момент достижения сраченности вполне хорошо отслеживается — это появление в сознании образа места, всегда ценностно окрашенного, хотя и не всегда положительно. "Элементы" среды отличаются от внешне похожих на них зданий, дорог, деревьев и прочего тем, что сцеплены с квантами сознания, нагружены духовностью. По сути процесс освоения — восприятие и формирование среды, есть вкладывание сознания, психической энергии в уже созданный физический мир города. И этот вклад горожанина так же важен, так же культурно обусловлен, как и деятельность архитекторов, планировщиков, строителей или огромные материальные и финансовые затраты. Только этим вкладом можно объяснить каким образом были хоть как то обжиты и функционируют огромные районы массового жилища типа московских Ясенево или Бирюлево. Отсутствие выбора и неистребимый инстинкт выживания заставляет человека отдавать колоссальные психические ресурсы на освоение этих районов. И этой энергии едва хватает (да и то не всегда) на то, чтобы тонкой эфирной пленкой обтечь края огромных пустых пространств.

2. СУБЪЕКТИВНО-ОБЪЕКТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДЫ

Методология средовых исследований один из самых сложных и наименее разработанных разделов данной проблематики, хотя по этому поводу имеется много материалов, прежде всего зарубежных. Возможно, это связано с недостаточной изученностью явления, возможно с неразработанностью междисциплинарных методов. Как бы то ни было, сегодня в рамках средовой проблематики используются разные методологии (и методы), как правило, заимствованные из других дисциплин. На наш взгляд, это не столько следствие избирательности исследовательских задач, сколько результат разного понимания природы среды. Очевидно, что исследователи привлекают ту или иную методологию в зависимости от того, как понимают (конструируют) предмет изучения. По-видимому, среда допускает множественность интерпретаций, хотя для меня это не столь очевидно. Многомерность методов исследований среды, сама по себе безотносительно к адекватности этой позиции, самим фактом своего существования, высвечивает следующие главные проблемы: можно ли описать среду в рамках какой-либо одной методологии? Нужно ли воссоединять результаты, полученные с помощью разных методологий в целостную картину или же этого достичь невозможно, а мозаичность описаний останется самой сильной характеристикой среды?

Предваряя поиск ответов на поставленный вопрос необходимо напомнить, что исследовательская позиция во всех случаях характеризуется противопоставлением объекта (изучаемого явления) и субъекта (изучающего эти явления). Сегодняшний уровень методологии науки отличается тем, что в нем, прежде всего, актуализируется соотносительность объекта и познающего субъекта,

независимо от того, идет ли речь о исследовании элементарных частиц в атомной физике, города или человека в социологии и географии, романа или стихотворения в литературоведении /4/. Особенно остро этот момент исследования переживается в естественных науках, которые традиционно имели дело исключительно с миром объективного, независящего от человека. Эту ситуацию достаточно ярко характеризует биолог, философ и теолог П.Тейярд де Шарден: " Инстинктивно физики и натуралисты вначале действовали так, как будто их взгляд сверху падает на мир, а их сознание проникает в него, не подвергаясь его воздействию и не изменяя его. Теперь они начинают сознавать, что даже самые объективные их наблюдения целиком пропитаны принятыми исходными посылками, а также формами или навыками мышления, выработанными в ходе исторического развития научного исследования.

Дойдя до крайней точки в своих анализах, они уже толком не знают, составляет ли постигаемая ими структура сущность изучаемой материи или же отражение их собственной мысли. И в то же время они замечают — как обратный результат их открытий,— что сами целиком вылезли в то сплетение связей, которое рассчитывали набросить извне на вещи, что они попались в собственную сеть" /5, с.38/. По поводу приведенной цитаты хотелось бы сделать только один комментарий. Этот текст, в ряду подобных, далеко не первый. Он написан в 30-х годах нашего столетия; тем не менее, огромное количество ученых по-прежнему, как "на новенького" предполагают, что они исследуют мир объективно, ни в коем случае не примешивая в результаты собственную личность, вкусы, ценности, т.е. полноценную субъективность. Живучесть этих представлений подтверждает не только, и не столько, объективное существование мира, сколько обыден-

ную природу этой точки зрения. Различение объектно-субъектной связки в любом акте познания как раз отличает воспитанный, "усовершенствованный" ум, который, как правило, начинается с тотального сомнения в этой объективности.

Исследование среды, как и других аспектов поведения и деятельности человека, в еще большей степени, чем естественные науки подвержено воздействию субъектно-объектного мировоззрения. В то же время способы средового описания имеют важную специфику, существенно выделяющую их из корпуса субъектно-объектной методологии. Дело в том, что по данному нами определению среда уже является субъектно-объектной связкой. Ее природа, процесс становления и развития определяются исключительно взаимодействием человека, его существа (и, прежде всего, сознания) с материальным окружением. Другими словами, предполагая, что мы исследуем (узнаем, описываем) среду, как нечто существующее, "уже ставшее", мы должны признать существование в ней субъекта — ее обитателя, хозяина, устроителя. В этом смысле среда всегда чья-то, всегда кем-то занята или точнее, наполнена чьим-то присутствием. Следовательно, эмпирическое исследование среды всегда предполагает появление в ней, кроме ее обитателя, еще одного субъекта — наблюдателя. Своеобразие этого действия состоит еще и в том, что исследователь вступает в контакт не просто с другим человеком (или группой), и не просто с его окружением, а с их связкой, или точнее, с тем, что было интерпретировано нами как медиумическое тело среды.

В этом кроется отличие исследований средовой и социальной или психической реальности. Например, в социологии в ходе эмпирического исследования наблюдатель вступает в контакт с человеком, что бы выяснить содержание его мышления, — его отно-

шение к другим людям, сообществам, включенность в них, его интерпретацию различных социальных значений. Естественно, субъектно-объектная методология срabатывает и тут — респондент не только объект, но живой человек. Вступив с ним в контакт исследователь изменяет его и, что еще более важно, изменяется сам. Этим в определенных задачах уместно пренебречь, но избежать этого нельзя.

В средовых ситуациях предмет узнавания не только содержание сознания человека. Это еще и тесно связанные с ним, окрашенные его чувствами, но существующие вне его, физические компоненты среды, и кроме того, "просвечивающиеся" сквозь него (или через него) медиумические феномены. Их наблюдение вне связи с конкретным человеком, конечно же, не позволяет проникнуть в глубинные, скрытые проекции среды. Но и без самостоятельного узнавания этих компонентов, осуществляемого самим исследователем, средовое знание не будет обладать нужной стереоскопичностью, жизненной полнотой. Поэтому при исследовании среды наблюдатель и обитатель могут вместе наблюдать что-то им обоим внеположенное, хотя это внеположенное целиком связано с обитателем, и более того, без него не существует.

Аналогию исследований подобного рода мы встречаем в медицине. Врач выясняет ощущения пациента, его предположения, оценки по поводу какой-либо части тела, которая, естественно, болит. Врач вначале не знает где и почему болит. Но он не может целиком положиться на описание пациента своего самочувствия, хотя оно самое достоверное, истинное, точно передающее его ощущения. Врач может верить больному, сочувствовать ему, в отдельных экзастических состояниях даже ощутить боль. И все же этого недостаточно. Он должен оценить состояние тела независимо личности. Другое дело, как он это будет делать —

с помощью приборов и позитивных наблюдений в европейской традиции или щупая пульс в соответствии с китайской традицией, или прибегнув к экстрасенсорному восприятию. Во всех случаях тело должно существовать в позиции объективного, хотя врач может не отождествлять его (объект) с личностью пациента, его сознанием. Также очевидно, что целостность и полнота знания требует установления этой связи и, более того, постоянного ее отслеживания. Эта медицинская аналогия тем более справедлива, поскольку среда может быть отождествлена с телом ее обитателя. При этом, конечно, средовое тело понимается расширительно, включая в себя и все приставные его органы — орудия, вещи, места, с помощью которых человек поддерживает свое существование.

Методология средовых исследований, целиком принадлежа к категории наиболее продвинутых субъектно-объектных методологий, должна иметь специфику и, что еще более важно, основываться на своих собственных, а не заимствованных из других дисциплин, принципах. На наш взгляд, для этого необходимо использовать описанный выше механизм изучения среды. На его основе предлагается исходный методологический принцип средовых исследований, который может быть определен как "удвоение субъекта". Его суть, как это следует из проведенного анализа, заключается в выверении отношений между компонентами среды (обитателем и окружением), самой средой (медиумическим телом — результатом их взаимодействия) и познающим субъектом. Ось, по которой они выстраиваются (или вокруг которой вращаются) — слияние/разъединение субъектов — наблюдателя и обитателя.

Принцип "удвоения субъекта" может быть развернут в методологию с помощью нескольких правил, операционализирующих наши действия:

1. Самоопределение – исследователь может изучать свою среду (автоисследование) или среду другого субъекта (человека, коллектива). Главный вопрос при этом – с какими целями он торгуется в среду? В зависимости от ответа на этот вопрос формируется методологическая позиция.

2. Дистанцированность – характеризует позицию исследователя и состоит в определении дистанции между собой (исследователем) и узнаваемой средой. Этим определяется степень вмешательства в изучаемую среду "другого".

3. Отождествляемость – характеризует степень отождествления себя (наблюдатель, исследователь) с "другим" (обитателем) среды и соответственно с чужой средой. Отождествление составляет психологический механизм дистанцирования.

4. Слоистость – характеризует многомерность средового узнавания. В зависимости от отношения познающего среду к обитателю среды и самой среде задействуются разные слои сознания и соответственно разные типы знаний. С каждого уровня дистанцированности можно сделать свой сьем (ощущения, знаний, понимания), не "видный" с другого уровня (горизонта). Однако, все продукты сознания – описания среды можно уподобить калькам, накладываемым друг на друга, сквозь которые проступают контуры слоев, лежащих ниже.

5. Автономная операциональность – каждый тип средового знания предполагает разную методологию, адекватные ей методы познания среды, в том числе, способы конструирования и проверки гипотез, доказательств, проблематизации и аргументации.

Используя предложенный принцип и правила построения средовой методологии можно предложить следующие ее составляющие.

Субъективное знание – это знание субъектом своей среды.

Строго говоря, это даже не знание, по крайней мере, в научном смысле. Это скорее знание — ощущение, знание — чувствование всей полноты конкретной средовой реальности. Пользуясь терминологией А. Монастырского, его можно назвать совокупностью "артикулированных психических состояний" субъекта. Они неотделимы от своего носителя и добываются не с помощью научных методов наблюдения (изучения), а в результате "проживания" человеком своей среды. Соответств и запечатлено знание — чувствование не в текстах или других знаковых системах (и уж тем более в строгих, научных языках), а в поведении, характере, вещах и их размещении в среде. Ощущение — знание субъекта своей среды, конечно же, на иболее полное, целостное, но и в то же время наиболее "бесполезное". Оно не может быть использовано никем, кроме "хозяина" среды, поскольку его невозможно ни отделить от "себя", ни передать другому субъекту. Но главное то, что оно есть! Глубинное целостное ощущение среды существует и у исследуемого субъекта, и у исследователя, но, конечно, своей среды. Узнать среду другого позволяет лишь опора на знание своего.

Второй слой средовой методологии ориентирован на знание феноменологического толка. Это уже дистанцированное знание конкретной среды, отчуждаемое от его носителей — жителя и исследователя. Это знание — понимание, которое возникает у наблюдателя по поводу другого человека и его среды. Методы, которые позволяют достичь понимания — "вживание" в среду, отождествление себя с обитателем (обитателями) среды и, одновременно, рефлексия приобретаемого опыта, последствий включенности, отслоение опыта путем его сверки с ощущением жителя. На языке этнометодологии это действие квалифицируется как сопоставление "моего знания с твоим знанием о моем знании".

Существенно, что феноменологическое знание – понимание может быть получено и обитателем среды. Но это означает лишь то, что мы имеем дело с двумя субъектами (жителем и наблюдателем), укорененными в одном человеке. Понимание фиксируется, как правило, естественным языком, в устных и письменных описаниях конкретной среды, хотя возможны и иные способы ее фиксации (кино- и фото-документы, картины). Понимание изучаемой среды не тождественно его чувствованию самим обитателем, не столь полно и целостно как его ощущения. Однако, оно имеет и некоторые преимущества – оно может быть отчуждено и поэтому доступно специалисту. Обосновывая необходимость такого знания, А.Баттимер пишет: "Итогом исследования становится понимание действия человека адекватное тому, как он его сам понимает, а не в категориях абстрактных и привнесенных со стороны теорий и моделей. Достигнув такого понимания, специалист может передать его субъекту, помогая тем самым понять самого себя и выявить свой потенциал. В этом случае специалист действует как советчик, стимулируя, но не форсируя развитие человека".

И, наконец, третий слой методологии средовых исследований предполагает объективированное, позитивистское изучение среды. Это знание наиболее дистанцированное, предписывающее необходимость строгого различения и разграничения объекта и наблюдателя. Это знание добывается путем строгих методов, основанных на верифицируемости гипотез, возможности сопоставления полученного знания со знанием научного сообщества. В данном случае содержанием знания становится не столько понимание конкретной среды, сколько ее отношение к обобщенным "идеальным" ситуациям. Среда, в позитивистской методологии, описывается с помощью закономерностей, понятий, категорий.

В монографии подробно описываются методы, используемые

в каждом слое. Кроме того, в ней приводятся методы взаимодействия
полнительного описания среды с помощью разных методологий,
последовательного сведения результатов из разных слоев.

3. МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ СРЕДЫ

Описание среды, как и любого другого объекта или феномена, предполагает наличие определенной схемы упорядочивания непосредственно воспринимаемых предметов, событий или результатов эмпирического наблюдения (натурных данных). Способ описаний в науке задается моделью (как правило, мировоззренческой), представляющей собой как бы "каркас", на котором формируется само описание (значение) /6/.

Возможны две модели описания среды. Первая – для описания среды извне, которое производит наблюдатель (в том числе, исследователь) в отстраненной (внешней) позиции. Среда в этом случае – объект, представленный в разных предметных проекциях, с помощью специальных языков. Вторая модель – для описания среды изнутри. В этом случае моделируется виденье среды ее обитателем. Такое описание не отчуждено от человека и по сути идентично самой среде. Другими словами, оно представляет собой своеобразный текст из вещей, мест, поведения "хозяина" среды и, одновременно, его эмоции по поводу этого текста. Воспроизвести "описание среды" так же, как "пишет" и "ощущает" его ее устроитель, как уже говорилось, невозможно. Его можно пересказать своими словами, "близко к тексту". Очевидно, что язык таких описаний – естественный, разговорная (устная и письменная) речь.

Модель объективированного описания среды включает следующие позиции.

Первый компонент описания – субъект среды, ее обитатель, владелец, устроитель. Он отличается от исследователя, который описывает его среду. Важно, что в этой части описания субъект не раскрывается в каких бы то ни было предметных проекциях. Его функция – лишь указание на движетель средообразования. Описание

в этой схеме – это указание на целостность субъекта, которая вводит в среду идею активности, энергии, целеполагания.

Второй компонент описания представляет субъекта среды уже как элемент окружения. Это мир людей, данный в различных предметных проекциях. Так, например, человек входит в состав некоторых групп, сообществ, а относительно других, он имеет мнение, оценку, разделяет (или нет) их взгляды. Тем самым, он включен в социальное действие, является частью социального окружения. Описание человека может разворачиваться и в других предметных проекциях – психологической, экологической, эргономической. Во всех случаях важно, что здесь люди фигурируют не как физические тела, а как проявления ментальности – в своих оценках, отношениях, предпочтениях. Это мир не материальный, хотя вполне объективируемый. Итак, эта часть описания раскрывает в предметных проекциях, с одной стороны, личность (свойства, качества) субъекта, формирующего среду, а, с другой стороны, иных субъектов, входящих в ее состав или окружающих ее. Описание может быть усложнено указанием на мотивации людей или на механизмы социальной динамики и прочее.

Третий компонент модели – описание материально-пространственного окружения. В него входит перечень элементов, выбранных субъектом из окружения, освоенных им. Это мир вещей, предметов, входящий в среду обитания человека, группы. Окружение, в свою очередь, может быть разделено на искусственные и естественные элементы – здания, сооружения, дороги, предметы убранства, с одной стороны, и землю, воду, воздух, деревья, луга и поля, с другой, что также зависит от выбранных предметных проекций рассмотрения. В принципе, возможно очень подробное пообъектное описание окружения, хотя, очевидно, оно никогда не будет полным, законченным. В действительности, в

практических (проектных или исследовательских) целях требуется значительно менее подробное описание окружения. Во-первых, из-за того, что окружение, "превратившись" в среду, приобретает иерархичность и, следовательно, можно описывать не все, а лишь главные его элементы. Во-вторых, в силу того же принципа избирательности, который действует не только при выборе элементов для формирования среды, но и для построения описаний. В частности, в этой книге город представлен чрезвычайно упрощенно – через распределение разных типов (и объектов) застройки. Однако, даже этой "точности" хватает для решения поставленных исследовательских задач.

Четвертый, последний компонент модели – описание связей, которыми субъект наделяет элементы окружения и людей, входящих в состав его среды. Практический способ включения различных элементов в среду определяется культурой, под которой будем понимать систему ценностей, норм и образцов, регламентирующих поведение субъекта среды. В данном случае речь идет о мире идей, в которых существуют многообразные паттерны среды. Все связи в среде, как и в схемах мышления устроены по законам культуры. Но увидеть детерминированность средового поведения культурой можно только извне, в результате сопоставления образцов разных культур. Именно культура представляет наиболее полные описания способов упорядочивания элементов в среде, форм, по которым "отливается" процесс освоения.

Модель объективированного описания среды предполагает физикалистское представление "пространства – времени". Считается, что время и пространство для всех людей одинаково, их длительности измеряются в социально принятых системах отсчета. При этом важно помнить, что только системы "измерения разные, а "пространство – время" всегда и для всех одно и то же. В

этой схеме мы имеем дело с "априорными формами разума", введенными Кантом для обозначения доопытного знания универсалий, с помощью которых человек формирует свой опыт, упорядочивает свои представления о мире.

Вторая модель предназначена для субъективированного описания среды, так как ее "видит" или точнее ощущает ее обитатель.

Первый компонент описания – субъект среды, в отличие от предыдущей модели, не различим с субъектом описания. Они слиты в одном ментальном мире человека. Человек знает свою среду всем своим существом. Это не сухое упорядочивание объектов по каким-либо признакам в строгие категории, типологии или классификации. Это знание с точки зрения науки сумбурно, эклектично, в нем "бузина в огороде" и "дядя в Киеве" тесно и вполне "разумно" связаны друг с другом.

Второй компонент этой модели также существенно отличается от предыдущего объективированного описания. Прежде всего, в нем описывается не окружение (социальное, материально-пространственное, в том числе, естественное или искусственное), а среда, в которой нет четкого деления на объекты, элементы и предметы и, что еще более важно, на живое и неживое. Практически и частично интеллектуальное освоение мира опирается на архаичные "исконные" формы бытования людей. Так, например, весь мир делится человеком, прежде всего, на "Я" (мое тело) и "не-Я" (другое). И вторая половина мира (т.е. "не-Я") представляется в этом различении как-бы однородной, сделанной из одного "материала". Обнаружить его разнообразие означает сделать первый шаг в рациональном постижении происходящего, ввести осознанно отстраненную позицию наблюдения. Отсюда и другие шаги – к рационализации опыта, науки, идеальным объ-

ектам, предметам (дисциплинам). Однако, это уже не средовое, практическое поведение, насквозь ценностно окрашенное и не стремящееся изолировать себя от человеческих предпочтений и ценностей, как это делается в науке. Средовое и отстраненное виденья мира, конечно же, связаны, попеременно доминируют в поведении человека, взаимно дополняют друг друга. В исторической перспективе видно как в разные периоды истории они занимали разные пропорции в сознании людей. В европейской цивилизации наблюдается устойчивое повышение доли рациональных, обьективированных форм мышления. Но и сейчас в эпоху торжества рационального мышления архаические стереотипы, архетипы среды, продолжают существовать, только вытесненные в область сознательного, нерефлектированного, задавленного или в область бессознательного.

Неразличимость "живого" и "неживого" связана с особым архаическим способом освоения природы, города, вещей путем их очеловечивания. Всем естественным и искусственным объектам, в этом случае, придаются антропоморфные черты и свойства, включая наделение их "характером". Языческие боги, "заведующие" природными стихиями и действиями людей, слеплены по образцу и подобию человека (чего только стоит спор между богинями по поводу их красоты — на мой взгляд, истинная причина Троянской войны и героического эпоса). Везде, где живет человек, рядом с ним, живут домовые, водяные, говорящие оракулы, живые, поющие камни и прочее. Все это проявление одной потребности — очеловечить мир неживого.

Из архаического мышления сохраняется и иная, противоположная установка поведения. Показанная выше экстраполяция человеческих свойств на мир природы (вещей), в ней заменена обратным процессом — распространением признаков "неживого" на

живое. Человек обнаруживает в себе как бы те же качества, что и в физических, природных объектах.

Оба способа мышления, ведущие свое начало от архаической культуры, опираются на устройство человеческой психики.

З.Фрейд уподобляет ее внутреннему экрану, на который проецируются образы внешнего мира из непосредственного наблюдения и внутренние "тени" образов из сферы бессознательного, глубинной памяти и прочее. В сознании, на этом "экране" люди, вещи, естественные объекты обретают одну природу — феномена психической реальности и тем самым становятся как бы неразличимыми. Причем, тождественность живого и неживого становится наиболее явной не в "дневном" сознании, а в сновидениях.

Очеловечивание природы, вещей — свойство не только архаического мышления. Оно сохраняется и сейчас, во время всеобщего образования, просвещения и нигилизма. Вся детская литература построена на этом "приеме", да и "взрослая" — продолжает эту же традицию. Оживление неживого, как и "оестествление" живого осталось прерогативой чуда, но в таком виде существует и поныне в христианстве, мусульманстве и других религиях. Глубинное неразличение человека и вещи прослеживается и в повседневном поведении, обыденной речи. В многочисленных интервью горожане, описывая свою среду, придают зданиям человеческие характеристики (веселый, скучный и т.п.). Исторические здания желают, им сочувствуют, негодуют по поводу новых зданий — выскочек. Все это проявление глубинных процессов. Если жителю не удастся очеловечить окружение — среда не появляется, нет процесса освоения.

В модели описания среды "изнутри" существенно меняется отношение к пространственно-временному упорядочиванию. Его суть сводится к тому, что эти категории, как и все средовые

реалии, ценностно окрашены. Пространство и время не отслеживаются как априорные формы, вынесенные "за скобки" опыта, а укоренены в нем, воспринимаются как "реальные". Они воспринимаются и формируются в среде исключительно субъективно, и не нуждаются ни в каком конвенциональном обосновании. Так, в ряде известных экспериментальных работ (К.Линга, Д.Кантера) установлено, что расстояния в городе, измеряемые "по линейке", как и их взаимное расположение, заметно отличается от этих же оценок в сознании людей. Так же разнится реальное время проживания с физика, измеряемым по часам. Средовое время прерывно, существует только, если есть какие-либо лично переживаемые события; в нем не всегда различается прошлое, настоящее, будущее; элементы прошлого, бывших "людей" и событий сосуществуют с современными людьми и явлениями.

И, наконец, последняя важная характеристика средового описания – не различение культуры. Вернее, в этом состоянии культура представлена субъектом, слита с ним, не рефлексивируется. Увидеть детерминированность своих действий средовой субъект не может, пока не выйдет за границы своей среды и тем самым "своей" субкультуры. Сталкиваясь с другими культурами, он выверяет собственную. Поэтому процесс освоения одновременно есть процесс сопоставления и обмена культурами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отчете рассмотрены все теоретические вопросы первой главы монографии, собраны основные идеи, методы, материалы. Проведенное исследование позволяет завершить монографию в полном объеме.

Одновременно следует отметить, что еще раз стало очевидным, что срок завершения монографии (1990 год), предусмотренный в программе, недостаточен для создания полноценной, качественной книги. Увеличение ее срока на I год, при сохранении размера бюджета, представляет возможность завершить книгу в требуемом объеме.

Вторая половина 1990 года посвящена разработке второй главы книги. Это теоретическая глава, в которой будут рассмотрены вопросы пространственной структуры городской среды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. С.Цвейг. Врачевание и психика. Ленинград, "Время", 1932, стр.28.
2. Р.Джан. Нестареющий парадокс психофизических явлений: инженерный подход (пер. с англ.) ТИИЭР т.70, № 3, Москва, Мир, 1982, стр.63-104.
3. Р.Тарг, Г.Путхофф. Перцептивный канал передачи информации на дальние расстояния (пер. с англ.) ТИИЭР, т.64, № 3. М., Мир, 1976, стр.35-65.
4. Г.З.Каганов. К методологической проблематике средовых исследований. В сб.: Средовой подход в архитектуре и градостроительстве. М., ВНИИТАГ, 1989.
5. П.Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., Наука, 1987.